

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

VIII-XI века

Преподобный Иоанн Дамаскин
Праведная царица Феодора
Святитель Ансгарий
Мученица Людмила Чешская
Преподобный Иоанн Рильский
Равноапостольный
великий князь Владимир
Преподобный Симеон Новый Богослов
Праведный король Стефан Венгерский
Преподобный Феодосий Печерский

Святые в истории

Ольга Клюкина

**Святые в истории. Жития святых
в новом формате. VIII-XI века**

«Никея»

2015

УДК 281.1
ББК 86.372

Клюкина О. П.

Святые в истории. Жития святых в новом формате. VIII-XI века /
О. П. Клюкина — «Никея», 2015 — (Святые в истории)

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы реконструировать биографии христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Третья книга серии охватывает VIII–XI века и посвящена эпохе иконоборческих споров, христианизации варварских народов и Крещению Руси.

УДК 281.1
ББК 86.372

© Клюкина О. П., 2015
© Никея, 2015

Содержание

От издательства	5
Преподобный Иоанн Дамаскин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Клюкина

Святые в истории. Жития святых в новом формате. VIII–XI века

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС Р14-411-1182*

От издательства

Святость – состояние, к которому призваны все христиане. Недаром, в первые века святыми именовали не выдающихся подвижников, а сообщество христиан в целом. Одновременно с этим складывалось и особое почитание мучеников, из которого впоследствии выросло почитание святых – не только погибших за веру, но и достигших своей праведной жизнью особой близости к Богу. «Друзьями Божиими» назвал святых преподобный Иоанн Дамаскин в VIII веке. Как бы ни были далеки от их подвига простые верующие, в Церкви Христовой все обретают единство, ведь святые – это люди Церкви, воплотившие призыв к святости, который обращен к каждому христианину.

Жизнь святого всегда воспринималась как пример. В житиях – жанре, достигшем наивысшего расцвета в Средние века, – слушателей и читателей интересовали в первую очередь не исторические подробности, а воплощение подвижником христианского идеала святости. Многие

жития создавались по образцу других, более ранних текстов, спустя не только годы, но и столетия после смерти святого, о котором порой не имелось практически никакой информации. Неудивительно, что современному читателю нередко бывает сложно за житийным образом разглядеть реального человека из плоти и крови.

Книга, которую вы держите в руках, продолжает серию «Святые в истории». Ее автор, писательница Ольга Клюкина, обращается к историческим свидетельствам, чтобы воссоздать биографии святых различных эпох. Каждый рассказ помещен в широкий исторический контекст, позволяющий более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Рассказывая о святых прошлых столетий живым современным языком, автор делает их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Серия выстроена по хронологическому принципу. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти святых.

Третья книга серии охватывает период VIII–XI веков. В VIII веке Восточная Церковь столкнулась с ересью иконоборчества. Это противостояние, длившееся почти полтора столетия, способствовало не только развитию богословской мысли в Византии, но и появлению новых святых, отстаивавших чистоту веры. Укоренившись на территории Римской империи, христианство в этот период активно выходит за ее пределы, и в лоно Вселенской Церкви вливаются венгры, скандинавы, славянские народы. Крещение Руси стало поворотным моментом в истории страны, включенной в орбиту византийской христианской культуры.

Преподобный Иоанн Дамаскин († до 753/4)

Преподобный Иоанн Дамаскин. Фрагмент фрески. Мануил Панселин. Церковь Успения Богородицы в Протате, Афон, Греция. Нач. XIV в.

Ведь цель – не победить, но протянуть руку подвергающейся нападению истине...

Турки-сельджуки явились с востока, встали на горе Ал-Кайсакил и оттуда начали осаду Великой Антиохии.

Хватило трех дней, чтобы воины Сулеймана ибн Кутулмышы ворвались в город, безжалостно истребляя всех его жителей.

Спаслись только те, кто успел взобраться на гору и спрятаться за стенами городской крепости, да немногие антиохийцы, укрывшиеся от резни в подвалах и других укромных местах.

Монаху Михаилу из монастыря Святого Симеона тоже удалось притаиться в каком-то темном подземелье. Дождавшись ночи, он выбрался наружу и ужаснулся: на улицах Великой Антиохии не осталось ни одной живой души, повсюду лежали убитые, воздух был пропитан дымом и гарью.

Монах решил пробираться в крепость и, стараясь остаться незамеченным, начал бесшумно взбираться на гору. Чем выше он поднимался, тем труднее было оглядываться назад:

при лунном свете следы разрушений и пожарищ в Великой Антиохии напоминали запекшуюся кровь, город казался мертвым.

На рассвете Михаил достиг крепости и увидел, как из ворот выезжает конный вооруженный отряд.

Мужчины-антиохийцы не стали дожидаться, когда войско Сулеймана начнет осаду их последнего убежища. Подкупив отряд турок, стоявший в крепости Артах, они вместе выступили против врага.

Пока Михаил обдумывал, как ему войти в крепость: обойти ее то ли с одной, то ли с другой стороны, – конный отряд уже обратился в бегство, преследуемый турками Сулеймана. А дальше вообще началось что-то невообразимое...

Еще не взошло солнце, как турки собрали всех, кто находился в крепости: мужчин, женщин, детей, стариков, коней, выючных животных, – и скопом погнали вниз.

Среди пленных был и Михаил, ругавший себя за то, что зачем-то покинул свое укрытие. Он был уверен: пришел последний день его жизни, и, пока турки гнали антиохийцев, как стадо, по склону горы, стал вспоминать, какое сегодня число и день недели.

Неужели 4 декабря, праздник святой великомученицы Варвары?

Обычно в этот день улицы Антиохии были заполнены веселыми и нарядными горожанами.

Ежегодно на большой праздник верхом на мулах и верблюдах целыми семьями приезжали жители из окрестных деревень.

Многим непременно хотелось попасть на богослужение в церковь Святой Варвары. Там собирались самые знатные горожане, а службу совершал Патриарх Антиохийский. Все громко славил великомученицу Варвару, а еще некоего авву Иоанна Дамаскина, чья память тоже приходилась на этот день.

Михаил стал горячо молиться этим святым, чтобы они помогли ему избавиться от плена, и не прерывал молитвы, когда турки приказали всем сесть на землю и начали доставать свои кривые сабли. Но вдруг явились глашатаи и объявили приказ Сулеймана: все жители Великой Антиохии могут разойтись по домам, их никто не тронет. Долина огласилась криками ликования!

Ровно через год, 4 декабря 1085 года, монах Михаил с особым благоговением и благодарностью отмечал праздник святой Варвары в своем монастыре. Ему захотелось как можно больше узнать об Иоанне Дамаскине, но все сведения были слишком неопределенными: монах или, может быть, пресвитер, родом из Дамаска, жил примерно триста лет назад...

Кто-то знал одно только имя, другие читали книги Иоанна Дамаскина, третьи могли исполнить сочиненные им церковные песнопения, но ни в одной библиотеке не удавалось найти хоть какого-то связного рассказа о жизни этого святого.

Тогда Михаил, одинаково хорошо владевший греческим и арабским языками, задался целью собрать все сохранившиеся на тот момент сведения об Иоанне Дамаскине и составить его биографию. Это сочинение, известное как «Арабское житие Иоанна Дамаскина», написанное в конце XI века с чувством большой благодарности к святому, сохранилось и до наших дней.

Иоанн Дамаскин (арабское имя Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби) родился приблизительно в 675 году в Дамаске, столице Сирии. Его биография настолько мало известна и овеяна легендами, что историки лишь предположительно называют даты его рождения и смерти.

Большинство из них сходятся на том, что появление на свет Иоанна-Мансура пришлось на вторую половину VII века, когда Сирия уже больше трех десятилетий находилась под властью арабов. Начиная с 661 года город Дамаск, где жили Мансуры, считался столицей Арабского халифата.

Дед Иоанна, Мансур ибн Серджун (родовое имя Мансур означает «победительный», ибн Серджун – «сын Сергия»), был в Дамаске известнейшей личностью. Он занимал должность великого логофета, «хранителя сокровищ» (что-то наподобие нынешнего министра финансов, руководителя налоговой администрации и советника главы государства в одном лице).

Показательно, что городскими финансами (по некоторым сведениям – и денежными средствами всей Сирии) он руководил и тогда, когда Дамаск находился под властью персов, и после того, как город был снова отвоеван византийцами. Скорее всего, в 628 году именно великий логофет занимался выплатой контрибуции в размере тысячи динаров за освобождение Дамаска византийскому императору Ираклию.

Своей высокой должности Мансур ибн Серджун не лишился и после сдачи Дамаска в 635 году арабам. По некоторым данным, во время передачи города арабскому полководцу Халиду ибн аль-Валиду, сподвижнику пророка Мухаммеда, именно он держал в руках золотое блюдо с ключами от Дамаска.

Отец Иоанна Дамаскина – Серджун ибн Мансур – тоже служил в финансовом ведомстве в должности логофета. (В VII веке в каждом византийском городе существовали канцелярии, отдельно занимавшиеся денежными средствами армии, общественными и частными финансами. Главы этих служб назывались логофетами.)

Таким образом, Иоанну, появившемуся на свет в знатной и богатой семье Мансуров, от рождения предназначалось пойти по стопам деда и отца и тоже стать финансистом.

Византийский хронист Феофан Исповедник называет отца Иоанна «христианнейшим человеком», в ряде других источников его родители характеризуются как «благочестивые и нищелюбивые».

На завоеванных арабами территориях (а к концу VII века это была уже не только Сирия, но и Месопотамия, Персия, Армения, Египет, области Северной Африки, Кипр и другие острова) проживало очень много христиан. Все они оказались в условиях мусульманского владычества, в том числе и сирийские христиане в Дамаске – в городе, по дороге в который в I веке ярому гонителю христиан Савлу явился Сам Христос, после чего Савл стал апостолом Павлом.

Историки отмечают, что в первые десятилетия арабы вели себя довольно снисходительно к христианскому населению завоеванных городов. Репрессии начались позже.

«Так, в Дамаске они оставили за духовенством несколько христианских церквей, ограничившись небольшим налогом на жителей в пользу мусульманских благотворительных учреждений», – пишет известный русский историк-византист Ф. И. Успенский о времени, когда жил Иоанн Дамаскин.

Но в целом это не меняло общей картины: государственным языком в Сирии конца VII века был арабский, официальной религией – мусульманство, многие христианские храмы перестраивались в мечети.

Долго оставаясь бездетными, родители Иоанна усыновили мальчика-сироту по имени Косма, а вскоре после этого у них родился свой сын, названный в честь знаменитого деда.

Однажды отец Иоанна купил на рынке пленного монаха из Калабрии (область в Италии), тоже по имени Косма, который стал учителем его мальчиков.

Чего только не пережил калабрийский монах-философ, прежде чем был выставлен на продажу на невольничьем рынке в Дамаске. Во время одного из набегов арабов на Калабрию Косма попал в плен и вместе с другими пленниками был посажен на корабль. В море на судно напали пираты, и лишь немногим тогда удалось выкупить свою жизнь, заплатив назначенную сумму, – остальным же пираты отрубили головы и бросали в море. Кто-то из палачей обратил внимание, что перед казнью все пленные подходят к немолодому монаху, опускаются перед ним на колени и просят за них помолиться.

– Разве ты патриарх христиан? Почему ты пользуешься у них таким почетом? – стали допрашивать пираты Косму.

– Я не патриарх и не глава, но бедный монах-философ, – ответил он спокойно.

Пираты решили, что жизнь человека, который у всех пользуется таким почетом, все же чего-то стоит, и отвезли Косму на невольничий рынок в Дамаск.

Здесь-то его и увидел отец Иоанна, обратив внимание, что человек в монашеском одеянии горько плачет, не пытаясь скрыть своего отчаяния.

– Человек! Что заставляет тебя плакать? Твой вид указывает на отречение от мира, – подойдя к нему, строго заметил логофет.

– Не плачу я ни о мирской жизни, ни о ее трудности, ни о mnogой изменчивости ее, ни о ее великих печалях. Но скорблю я о тех знаниях, которым я обучался с малых лет, над которыми я трудился в продолжение моей жизни, но не воспользовался ими во время моего существования и не был в состоянии передать их тем, кто просил бы Бога помиловать меня после моей смерти, – приводится в «Арабском житии» ответ несчастного Космы.

Мансур принялся его обо всем расспрашивать, и оказалось, что у себя на родине пленный монах помимо Священного Писания изучал грамматику, диалектику, риторику, философию, астрономию, геометрию, музыку и прочел книги, о которых в Сирии никто даже и не слышал.

Отец Иоанна выкупил пленного и привел в свой дом, сделав учителем детей. Как сказано в житии, наставник не разлучался с учениками ни днем, ни ночью, чтобы успеть передать им все свои познания. Должно быть, именно он привил братьям (сирота Косма воспитывался в семье на равных с Иоанном), помимо прочего, и необычайную любовь к музыке.

Обладавший литературным даром Иоанн Дамаскин (в то время его звали, как и деда, Мансур ибн Серджун, имя Иоанн он получил после принятия монашества) отличался еще и редким умением излагать любой, даже самый сложный, материал доходчиво, в виде стройной системы, – и в этом тоже угадываются «университеты» просвещенного монаха Космы.

Когда учитель состарился и почувствовал свою миссию выполненной, он попросил Мансуров отпустить его в монастырь Святого Саввы Освященного, неподалеку от Иерусалима. Там, на Святой Земле, калабрийский монах и окончил свои дни.

После смерти отца Иоанн тоже стал работать в финансовом ведомстве Дамаска. Как считают историки, именно поэтому на VII Вселенском Соборе его сравнивали с апостолом Матфеем, который до своего апостольского призвания был сборщиком податей.

В «Арабском житии» говорится, что Иоанн-Мансур был первым секретарем областного правителя, сделавшись «обладателем его тайных и явных помыслов, его приказаний и запрещений».

Почетная должность принесла Иоанну немало страданий: однажды он был обвинен в измене халифу в пользу греков-византийцев и приговорен к телесному наказанию. По варварским восточным обычаям Иоанну отрубили кисть правой руки, вывесив ее на всеобщее обозрение на центральной площади Дамаска.

Вечером Иоанн послал сказать эмиру, что его рука нестерпимо болит и эта боль не успокоится до тех пор, пока отрубленная ладонь не будет погребена в земле. Эмир распорядился отдать бывшему секретарю отрезанную часть руки. Иоанн привязал ее на прежнее место, всю ночь провел в молитвах перед иконой Богородицы, а наутро нашел руку исцеленной – под повязкой остался только шрам.

Узнав о свершившемся чуде, эмир вынужден был признать, что напрасно поверил клевете и несправедливо обошелся с Мансуром. Он предложил ему вернуться на прежнюю должность, но Иоанн попросил, чтобы его отпустили в монастырь.

Вскоре вместе с братом Космой они покинули Дамаск и отправились в Палестину, в монастырь Святого Саввы Освященного. Единственное, что Иоанн взял с собой, раздав все имущество бедным, это фамильная икона рода Мансуров. В благодарность за исцеление Иоанн Дамаскин велел отлить руку из серебра и приложил ее к иконе, за что чудотворный образ получил название «Троеручица».

По историческим данным, Мансур из Дамаска появился в палестинском монастыре приблизительно в 10-х годах VIII века или даже раньше, приняв при монашеском постриге имя Иоанн.

Много лет Иоанн Дамаскин прожил в одном из иерусалимских монастырей, возможно, в монастыре Святого Саввы Освященного, где написал свои знаменитые богословские, философские сочинения и трактаты в защиту икон.

Высказывается предположение, что монах Иоанн Дамаскин также был священнослужителем в храме Гроба Господня в Иерусалиме и написал для праздничных богослужений более девяноста богослужебных канонов, включая песнопения к праздникам Преображения, Троицы, Сретения, Успения Богородицы, Богоявления, Воздвижения Креста Господня, Входа Господня в Иерусалим, Вознесения и другие.

Многие из известных церковных песнопений принадлежали его брату Косме Маиюмскому, который примерно в то же время принял монашество в палестинском монастыре и был посвящен во епископа Маиюмского (Маиюма – портовый город Палестины, гавань Газы).

Но если придерживаться предложенной историками хронологии, как тогда быть с подложным письмом, написанным византийским императором Львом III Исавром или кем-то из его подданных, гневом халифа Язида II, отрубленной рукой?

Ведь византийский император Лев III Исавр, при котором в Византии развернулась борьба иконоборцев с почитателями икон, пришел к власти в 717 году, а свой иконоборческий указ издал еще позже. В это время Иоанн Дамаскин, по мнению историков, уже больше десяти лет находился в палестинском монастыре Святого Саввы...

«Было бы прекрасно, если бы истина как бы являлась нам обнаженной и без завесы, а мы, люди, обладали всезнанием. Но поскольку быстротекущее время, словно накинутый на глаза покров, ослабляет наше знание, следует довериться молве и слухам и хоть как-то вывести на свет события прошлого и не дать им погрузиться в реку забвения», – пишет анонимный византийский хронист X века, Продолжатель Феофана (Феофана Исповедника, ок. 760–818), объясняя, почему не следует отвергать любую дошедшую из древности «молву».

Автор «Арабского жития Иоанна Дамаскина» не скрывает, что свой рассказ он составил из многочисленных разрозненных сведений и полезных для читателей историй. «Я уже раньше слышал о нем отдельные рассказы и нашел очень краткие упоминания, записанные во многих историях отцов, его современников, и отдельные части. Я собрал все это, кое-что выпустил, так как нашел, что эта часть истории не соответствует ее основному характеру, и сделал из этого один связный рассказ», – пишет монах Михаил в предисловии, подчеркивая литературный характер своего сочинения.

Как всякий автор, работающий в историческом жанре, он что-то обобщил, а кое-что поменял местами, заботясь о том, чтобы создать образ Иоанна Дамаскина.

Это вовсе не значит, что описанных монахом Михаилом событий не было, – просто они могли происходить в другой последовательности и, возможно, не совсем так, как это изложено в «Арабском житии». Но по большому счету некоторое искажение хронологии никак не умаляет подвига Иоанна Дамаскина, который в своей тихой келье вступил в борьбу с распространившейся в то время иконоборческой ересью.

За несколько веков поклонение святым иконам «обросло» множеством суеверных, полужыческих верований. Все чаще с икон соскабливали краску и употребляли ее вместе со Святими Дарами; или крестным отцом ребенку назначался не человек, а икона какого-нибудь христианского мученика. Святым образам стали приписывать магические свойства. Некоторые аристократы устраивали дома алтари из икон и на них совершали обряды, переставая ходить в храм. Или же какой-нибудь священник в своем непомерном рвении мог распорядиться убрать из церкви все кресты, а на их месте установить иконы.

Но движение иконоборцев, появившееся в Византии в VIII веке, ополчилось не только на эти «перегибы», но и на само почитание икон как таковое.

Некоторые иконоборцы высказывались, что иконы в храмах следует вешать выше человеческого роста, чтобы не допускать чрезмерного им поклонения. Другие пытались всех убедить, будто на иконах нельзя изображать Христа, так как это противоречит Священному Писанию, а вот Богородица и святых мучеников – можно. Третьи говорили, что храмы чрезмерно наводнены изображениями святых, и в них нужно оставить только иконы Иисуса и Богородицы.

Но преобладающей была идея вообще очистить все храмы и монастыри от икон и одним разом покончить с суевериями. Круг сторонников такого радикального подхода сформировался в Константинополе, при дворе византийского императора Льва III Исавра. В него входили патриарший синкелл (секретарь и келейник) Анастасий, несколько крупных церковных иерархов, а также многие столичные придворные и влиятельные военачальники.

Патриарх Константинопольский Герман не разделял подобных взглядов. Иконоборцы действовали в обход него, всеми силами стараясь склонить на свою сторону императора. А потом сумели и вовсе добиться низложения и ссылки девятидесятилетнего Патриарха, который даже под давлением императора и сената не изменил своей позиции.

Трудно сказать, какие доводы больше всего подействовали на Льва III Исавра.

По мнению историка Ф. И. Успенского, взгляды иконоборцев во многом сформировались под влиянием мусульманского мира: «Магометане, завоевывая христианские земли, обратили внимание на бесчисленные изображения святых и, чтобы привлечь христианское население к поклонению своему пророку, злобно осмеивали поклонение иконам как идолослужение. Христиане, говорили они, под предлогом почитания истинного Бога наполнили мир богами еще более, чем их было в языческих храмах. Римский мир снова стал языческим, и христианство обратилось в культ идолов» («История Византийской империи»).

В июле 721 года халиф Язид II издал указ об уничтожении всех художественных изображений людей и животных на подвластной ему территории халифата, так как их запрещает ислам. По его указу из христианских храмов повсюду стали изыматься иконы.

Среди актов VII Вселенского Собора есть доклад монаха Иоанна, в котором говорится, что Лев воспринял мысль о гонении на иконы от халифа Язида и что посредником в этом деле был епископ Наколийский Константин. Упоминается также о некоем догматическом послании, которое халиф написал византийскому императору, убеждая его принять мусульманство. Однако современные историки так и не пришли к единому мнению о том, насколько серьезно мусульманское окружение могло повлиять на отношение христиан к иконам. Скорее, к возникновению иконоборчества привел комплекс причин.

Лавра Саввы Освященного, Палестина.

В 726 году император Лев III подписал эдикт о запрете икон. Текст этого указа не сохранился, как и многие другие документы иконоборческого периода. Но о том, что официальный правительственный акт относится к 726 году, пишет в своей хронике Феофан Исповедник:

«В этом году начал нечестивый царь Лев дело о низвержении святых и честных икон». Византийский историк также сообщает, что на новый указ незамедлительно последовала негативная реакция Папы Римского: «И, узнав об этом, Папа Григорий составил против Льва догматическое послание, доказывая, что не подобает царю вмешиваться в дела веры и изменять древние церковные догматы, установленные святыми отцами».

Как только императорский указ был издан в Константинополе, то есть вывешен на стене собора Святой Софии на обозрение народа, в столице начались волнения.

Когда к Халкийским воротам Великого дворца явились солдаты из императорской гвардии и один из офицеров, приставив к стене лестницу, начал топором сбивать изображение Спасителя, поднялся сильный шум. Увидев, как офицер бьет топором по Лику Христа, молодая инокиня Феодосия из константинопольского монастыря Святой Анастасии подбежала к солдатам, стала их умолять не делать этого, после чего опрокинула лестницу.

Ее поддержали другие монахини, а также горожане из мирян. На площади завязалась драка, в результате которой были убиты и ранены несколько человек.

Как сообщает Продолжатель Феофана, волнения на площади происходили «в присутствии многих знатных мужей из Рима, Франции, из земли вандалов, из Мавритании, Готфии» и, конечно, были расценены как протест против указа императора и вообще императорской власти.

С этого дня принято отсчитывать растянувшуюся на сто с лишним лет борьбу почитателей икон с иконоборцами, во время которой редкие годы затишья сменялись периодами ожесточенного противоборства. По свидетельству современников, целые города и множество народа находились тогда в волнении из-за вопроса об иконах, так или иначе все христиане были вовлечены в этот важный спор.

Иконоборцы не сразу сформулировали богословские обоснования своим действиям, имея мощную поддержку в лице императорской власти. Зато в одном из палестинских монастырей нашелся человек, который сумел четко и аргументированно объяснить позицию защитников икон, – Иоанн Дамаскин.

Его «Три защитительных слова против порицающих святые иконы» были известны и в императорском дворце, и в отдаленных монастырях Византии. В народе эти сочинения переписывали и передавали друг другу в списках, использовали как улику, заучивали наизусть.

Иоанн Дамаскин объясняет, что он не мог смолчать, видя, как Церковь, словно корабль, попавший в бурю, со всех сторон захлестывают поднявшиеся волны иконоборческих споров.

«Поэтому, поражаемый невыносимым страхом, – я решил говорить, не ставя величия царей выше истины», – пишет он в своем «Первом защитительном слове...».

Разговор начинается с расхожего обвинения иконоборцев в том, что иконы якобы противоречат словам из Священного Писания о запрете изображать Бога.

«Если бы мы делали изображение невидимого Бога, то действительно погрешали бы, потому что невозможно, чтобы было изображено бестелесное, и не имеющее формы, и невидимое, и неопишемое», – поясняет Иоанн Дамаскин.

Но ведь христиане верят в Иисуса Христа, в Бога, воплотившегося в человеческом облике, – как же можно переносить ветхозаветный запрет на время Нового Завета?

Конечно, Иоанн тоже против обожествления изображений, но предлагает не путать его с достойным почитанием икон, которое пришло в церковную жизнь на основании апостольских преданий и постановлений.

Ведь «изображение не во всем бывает подобно первообразу», и у иконы существует свое назначение – она призвана помогать человеку подниматься до понимания духовных предметов.

«Изображение есть напоминание; и чем является книга для тех, которые помнят чтение и письмо, тем же для неграмотных служит изображение; и что для слуха – слово, это же для

зрения – изображение, при помощи же ума мы вступаем в единение с ним», – с большим пониманием человеческой природы пишет Иоанн Дамаскин.

Ободряя, он призывает православных христиан: «Все рисуй: и словом, и красками, и в книгах, и на досках».

Писатель задается вполне логичным вопросом: почему гонениям вдруг стали подвергаться именно иконы? «Ведь христиане поклоняются Синайской горе, также Назарету, находящимся в Вифлееме яслям и вертепу, Святой Голгофе, древу Креста, гвоздям, губке, трости, священному и спасительному копыю, одеянию, хитону, покрывалам, пеленам, Святому Гробу – источнику нашего воскресения, камню гроба... и много чему еще», – перечисляет Иоанн Дамаскин. И напоминает, что все эти христианские святыни – одновременно и символ, и «материальное вещество».

«Или устрани почитание и поклонение всему этому, или, повинаясь церковному преданию, допусти поклонение иконам, освящаемым именем Бога и друзей Божиих и по причине этого осеяемым благодатию Божественного Духа», – полемизирует он с иконоборцами.

Отрицающие иконы почему-то забыли: многие подвижники, почитаемые Церковью, имели у себя иконы. Из жития святого Василия Великого известно, что он молился и даже имел откровение перед иконой Богородицы, на которой был также начертан образ мученика Меркурия. А святой Иоанн Златоуст вообще не расставался с изображением апостола Павла, которого глубоко почитал.

«И когда он прочитывал его послания, то, не сводя глаз, смотрел на изображение, и с таким вниманием взирал на него, как если бы апостол был живой, – прославляя его и представляя себе, к нему направляя все свое размышление, и чрез созерцание изображения беседовал с ним» – вот, по Иоанну Дамаскину, образец достойного и правильного иконопочитания.

Многим современникам Дамаскина была хорошо известна легенда о царе Авгаре, жившем в то время, когда Христос ходил по земле. Как-то, услышав об Иисусе, царь пожелал Его увидеть, но в тот момент не мог отправиться в Палестину. Тогда правитель Эдесского царства дал ехавшему в Иерусалим купцу кусок полотна, сказав: «Если Он не пожелает прийти сюда, то напиши Его образ и принеси мне; и я поцелую Его. И будет он во спасение моему народу и в заступничество».

По одной из версий, тем самым «купцом» был апостол и евангелист Лука, хотя эта легенда известна и в других вариантах.

По преданию, плат с запечатленным на нем образом Иисуса Христа многие годы висел над городскими воротами Эдессы, крупного древнего поселения в Северном Междуречье (ныне город Шанлыурфа в Турции).

Об этом изображении, первой нерукотворной иконе, Иоанн Дамаскин напоминает в «Третьем защитительном слове против порицающих святые иконы», приводя царя Авгаря как дошедший из древности пример иконопочитания.

Не забыл Иоанн Дамаскин и о жившем в IV – начале V века епископе Епифании Кипрском, авторитетной фигуре в церковных кругах, поднятой иконоборцами «на свой флаг».

Как-то епископ Епифаний навестил одну епархию в Палестине и, увидев в храме завесу с изображением, как ему показалось, человека, с гневом ее разорвал. А материю демонстративно велел отдать на покрытие гроба какого-то нищего.

«Если же ты говоришь, что Божественный и достойный удивления Епифаний определенно запретил их [изображения], то знай, что, во-первых, эта книга может быть неверно написана [его именем] и подложна: будучи трудом одного, она носит имя другого, что многие привыкли делать», – напоминает Иоанн Дамаскин. И приводит обезоруживающий контраргумент: церковь самого Епифания на Кипре во время жизни Иоанна была украшена многочисленными иконами, да и вообще история с завесой могла иметь какой-то другой смысл.

«Ведь цель – не победить, но протянуть руку подвергающейся нападению истине, так как добрая воля протягивает руку силы», – говорит

Иоанн Дамаскин в «Первом защитительном слове против порицающих святые иконы». И эта протянутая рука так и представляется той, что была исцелена возле чудотворной иконы.

Многие православные христиане могли подписаться под его словами, сказанными как будто и от их лица: «Для меня недостаточно книг, я не имею досуга для чтения, я вхожу в общую врачебницу душ – церковь, задущаемый помыслами, как бы колючими растениями. Цвет живописи влечет меня к созерцанию и, как луч, услаждая зрение, незаметно вливает в душу славу Божию. Я созерцаю терпение мученика, воздаяния венцов, и, как бы огнем, воспламеняюсь желанием к соревнованию ему...»

Наиболее драматичные моменты в истории иконоборчества в VIII веке пришлось на время царствования сына Льва III, византийского императора Константина V Копронима.

По преданию, во время крещения младенец Константин испражнился в святую купель, что уже было истолковано Патриархом Германом как дурное предзнаменование. К Константину V прочно приклеилось и вошло в историю неблагозвучное прозвище Копроним (переводят как «дерьмоименный», «навозник», «засранец»), и в этом есть отголоски народной ненависти к императору-иконоборцу.

Во время его правления по всей Византии жгли монастыри, безжалостно уничтожались древние иконы – ведь на стороне иконоборцев было правительство, вооруженное законом и мечом.

Император Константин V испытывал особую ненависть к монашеству, называя его «ненавистой» расой, носящей одеяние тьмы. Он считал, что монахов надо всех или истребить, или «переделать».

Феофан Исповедник рассказывает, как во исполнение императорского указа стратиг Фракийской фемы (большого военно-административного округа) Михаил Лаханодрокон согнал в одно место всех находящихся на его территории монахов и монахинь и объявил: «Кто не хочет быть послушником царской воли, пусть снимет темное одеяние и немедленно возьмет себе жену, в противном случае будет ослеплен и сослан на остров Кипр».

Многие в этот день, как сообщает историк, получили мученический венец, но были и те, кто изменил своим монашеским обетам.

Запомнили современники и редкое «зрелище» на ипподроме, которое Константин Копроним устроил в августе 765 года для жителей Константинополя. Выстроенные попарно монахи и монахини шли вдоль трибун, а зрители в них плевались, отпускали непристойные шутки и соревновались в том, кто придумает более изощренное издевательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.